

столько убъжденіемъ, сколько, во-первыхъ, подчиненіемъ всѣмъ принятому обычаю, а во-вторыхъ, риторической манерой. До поэзіи достигала она и у самого Державина только тамъ, гдѣ онъ переставалъ быть поэтомъ въ духъ времени и становился просто человѣкомъ. Простимъ же ей, нашей литературѣ, ея грѣхи, вольные и невольные, и будемъ ей благодарны за то, что она, и только одна она, была воспитательницей юнаго, созданнаго Петромъ Великимъ, общества, отъ Кантемира до нашихъ временъ. По мнѣ, нѣтъ цѣны этимъ неуклюжимъ стихамъ умнаго, честнаго и добраго Кантемира:

..... Лучшую дорогу  
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся;  
Но и кто правду молчить, виновенъ не стался,  
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.  
Счастливъ, кто средины оной держаться умѣетъ;  
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ при-  
ятный,  
Учтивость приличная, что даетъ родъ знат-  
ный.

*Ползаетъ не совѣтую, хоть слѣсы гнушаются,*

Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну  
Жребій былъ копать садъ, пасть другому ско-  
тину;

Ной въ ковчегъ съ собою спасъ все себѣ рав-  
ныхъ

Простыхъ земледѣтелей, права лишь славныхъ;  
Отъ нихъ мы произошли, одинъ поранѣе  
Оставя дудку, соху, другой—попозднѣе.

Чтобъ не возвращаться опять къ одному  
и тому же предмету, выпишемъ теперь же  
изъ шестой сатиры стихи, въ которыхъ  
Кантемиръ казнитъ насмѣшкой доброволь-  
ное униженіе человѣческаго достоинства низ-  
вопоклонствомъ и лестью:

Съ пѣтухами пробудясь, нужно потащиться  
Изъ дому въ домъ на поклонъ, въ переднихъ  
томиться,

Полдни торчатъ на ногахъ съ холопы въ бе-  
сѣдѣ,

Ни сморкнуть, ни кашлянуть смѣя. По обѣдѣ  
Та же жизнь до вечера; ночь вся безпокойно  
Пройдетъ, думая, къ кому поутру пристойно  
Еще бѣжать, передъ кѣмъ гнуть шею и спину,  
Что слугѣ въ подарокъ, что повестъ господину,  
Нужно часто полагать, небылицъ вѣрить,  
Что одною скорлупою можно море смѣрить;  
Господскую сносить спѣсь, признавать, что ро-  
домъ

Моложе Владиміра однимъ только годомъ,  
Хоть ты помнишь, какъ отецъ носилъ кафтанъ  
сѣрой,

Кривую жену его называть Венерой.  
И въ шальныхъ дѣтяхъ хвалить остроу при-  
родну;

Не зѣвать, когда онъ самъ несетъ сумасбродну.  
Нужно благодѣтелемъ звать того, другого,  
Отъ кого вѣкъ не видать добра никакого...

Третья сатира, «Къ Теофану, епископу новгородскому», написанная въ 1730 году, разсуждаетъ о различіи страстей человѣческихъ. Тутъ осмѣиваются сребролюбцы, сплетники, болтуны, ханжи, самолюбцы, пьяницы,

завистники и т. п. Въ четвертой сатирѣ, написанной въ 1731 г., Кантемиръ спрашиваетъ свою музу, не пора ли имъ перестать писать сатиры?

..... Многимъ тѣ нелюбы,  
И ворчить ужъ не одинъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ  
дѣла,

Тамъ мѣшаюсь, и кажу себя черезчуръ смѣла.

Ты (говоритъ онъ своей музѣ) смѣло ху-  
лишь и находишь свое веселіе въ томъ, что-  
бы бѣсить злыхъ, «а я вижу, что въ чу-  
жомъ пиру мнѣ похмѣлье». Одинъ (продол-  
жаетъ сатирикъ) хочетъ потянуть меня къ  
суду, что, нападая на пьяницъ, «умалю  
кружальные доходы»; другой, похваляясь,  
что отъ доски до доски прочелъ Библию о-  
строжской печати, убѣдился изъ нея, что «во  
мнѣ нечистый духъ злословитъ бороду»; тре-  
тій сердится, что нападаю на взятки. Тогда  
сатирикъ, желая переменить грубый тонъ  
на вѣжливый, начинаетъ иронически хва-  
лить глушцовъ и негодяевъ; но это дово-  
дитъ его до сознанія, что онъ не умѣетъ и  
въ шутку хвалить того, что считаетъ дур-  
нымъ.

..... когда хвалы принимаюсь  
Писать, когда Муза, твой нравъ сломить ста-  
раюсь,—

Сколько ногти ни грызу, и тру лобъ вспотѣлый,  
Съ трудомъ стишка два сплелу, да и тѣ не спѣлы,  
Жестки, досадны ушамъ, и на тѣ походятъ,  
Что по цѣлой азбукѣ святыхъ жить водятъ. \*)  
Духъ твой лѣнивъ, и въ зубахъ вязнетъ твое  
слово

Не забавно, не красно, не сильно, не ново;  
А какъ въ нравахъ вредно что усмотрю, ум-  
нае

Самъ ставши, подъ перомъ стихъ течетъ ско-  
рее;

Тогда я стихотворцемъ самъ себя поздравлю,  
И чтецовъ моихъ зѣвать тщетно не заставлю;  
Проворенъ, веселья спѣшу, какъ вождь на по-  
бѣду,

Иль какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.

Кантемиръ заключаетъ эту сатиру тѣмъ,  
что сатиры могутъ не нравиться только  
дурнымъ людямъ и глушцамъ, на которыхъ  
нечего смотрѣть:

Такимъ однимъ сатира наша быть противна  
Можетъ; да ихъ нечего щадить, и не дивна  
Мнѣ любовь ихъ, какъ и гнѣвъ ихъ мнѣ стра-  
шенъ мало.

Просить у нихъ не хочу, съ ними не пристало  
Вестись, чтобъ не почернѣть, касаясь сажі;  
Вредить не могутъ тѣ мнѣ, пока въ сильной  
стражи

Нахожуся матери отечества правой.

\*) Вотъ примѣчаніе, изъ изданія 1762 г., на  
этотъ стихъ: дѣйств., прозваніе *Максимовичъ*,  
стихами описалъ и по азбукѣ расположилъ  
житія святыхъ печерскихъ. Сія книга напеча-  
тана въ Кіевѣ въ листъ и пальца въ два тол-  
щины; однако жъ въ ней, кромѣ именъ свя-  
тыхъ и государя царевича Алексѣя Петровича,  
которому приписана, ничего путнаго не най-  
дешь“.